

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН**

На правах рукописи

Чикин Александр Александрович

**Проблема телесности в феноменологии:
Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти**

Специальность 09.00.03 — история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени кандидата философских наук

Москва 2014

Работа выполнена в секторе современной западной философии ФГБУН
«Институт философии Российской академии наук».

Научный руководитель: доктор философских наук
Вдовина Ирина Сергеевна.

Официальные оппоненты:

Ямпольская Анна Владимировна, доктор философских наук,
профессор кафедры современных проблем философии
философского факультета РГГУ

Костикова Анна Анатольевна, кандидат философских наук,
доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ведущая организация:

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

Факультет философии. Кафедра истории философии.

Защита состоится 23 декабря 2014 года в 11 часов на заседании

Диссертационного совета Д.002.015.04 Института философии РАН по адресу:
Москва, ул.Волхонка, д.14/1, стр.5, зал заседаний Ученого совета (каб.524).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии
РАН по адресу: 119991, Москва, ул.Волхонка, д.14/1, стр.5.

Текст автореферата вывешен на сайте ВАК <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 года.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Кандидат философских наук

А.В. Черняев

Актуальность исследования

Термин «телесность» в настоящее время объединяет исследования в самых различных дисциплинах. С одной стороны, это философские исследования по онтологии и теории познания, исследования в области социологии и культурологии, с другой — рассуждения о будущем биологии и медицины, проблемы политики, практические решения в робототехнике, нейрологии и когнитивной науке. Проблема телесности пронизывает все человеческое знание, что является отличительной чертой современности. При этом продуктивное взаимодействие философии и естественных наук очевидно, и не только в определенные моменты их исторического развития; нам интересны также и такие примеры как философское осмысление биологических проблем немецко-американским философом Х. Йонасом или осмысление философии с позиции биологии австрийским биологом и философом К. Лоренцом.

История философии убеждает нас в том, что в свете проблемы телесности гуманитарное и естественно-научное знание никогда не расходились, а пребывали в постоянном диалоге. Философские проблемы воплощения и телесности всегда возникают на стыке медицины и философии, естественно-научного и гуманитарного знания, чему можно найти достаточно примеров ¹. Так, римский медик и философ Гален, связавший теорию четырех жидкостей в организме и четырех элементов в природе с четырьмя человеческими характерами, в ходе исследования организма человека и животных сделал выводы о локализации душевных способностей в частях тела, а одной из центральных идей «Книги исцеления» арабского врача и философа Авиценны можно считать мысленный эксперимент о сотворенном в воздухе человеке, который необходимо знает о собственном существовании, не имея представления о собственном теле.

¹ Немецкий философ-феноменолог Б. Вальденфельс предлагает в этой связи обратить внимание на исследование, затрагивающее историю медицины: *Schipperges H. Kosmos. Anthropos. Entwürfe zu einer Philosophie des Leibes. Stuttgart, 1981.* См.: *Waldenfels B. Das leibliche Selbst Vorlesungen zur Phänomenologie des Leibes. Frankfurt am Main, 2000.*

Гален считал, что хороший врач должен быть философом. «Хороший философ должен быть врачом», — дополняют его философствующие врачи XVIII века². Этот принцип стоит у истоков становления философской антропологии³ и открытия проблемы телесности⁴ в современности. В веке XIX, опираясь на достижения медицины, на кантовскую метафизическую программу и даже на мудрость Древней Индии, немецкий философ Артур Шопенгауэр дал утвердительный ответ на вопрос о возможности основанного на телесности построения целостной философской системы от метафизики до эстетики. Его представления о теле формировались в условиях спора механистических и виталистских идей и стали результатом поиска новой глубины познания «внутренней сущности мира, проявления которой суть вещи в природе», что «открыло бы нам, как в механическом (закономерном), так и в мнимо преднамеренном действии природы, один и тот же конечный принцип»⁵. Учение Шопенгауэра обобщает размышления десятков специалистов в области медицины, естественных наук и философии.

В этом немецкого мыслителя можно сравнить с французским феноменологом Морисом Мерло-Понти. Ориентировавшийся в немецком идеализме скорее на Фридриха Шеллинга⁶, Мерло-Понти, как и Шопенгауэр, пытается найти альтернативу и механицизму, и витализму. Этот вывод мы можем сделать уже по первой его книге «Структура поведения» (1942). Как ранее Шопенгауэр, французский философ широко использует достижения современного ему естественнонаучного знания. Появление проблемы телесности в феноменологии Э. Гуссерля также связано с весьма непростой ситуацией взаимодействия и соперничества

2 См.: Pegatzky S. Das poröse Ich: Leiblichkeit und Ästhetik von Arthur Schopenhauer bis Thomas Mann. Würzburg, 2002. S. 34f.

3 Благодаря взаимодействию медицины и метафизики в XVIII веке. См.: Харитонова М. Становление антропологии в XVIII веке // Историко-философский ежегодник'2011. М., 2012.

4 См.: Jeske M., Kofler M. (Hg.) Philosophie des Leibes. Die Anfänge bei Schopenhauer und Feuerbach. Würzburg, 2012.

5 А. Шопенгауэр называет сказанное «превосходным замечанием Канта». См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Том первый // Шопенгауэр А. Соч. В 6 т. Т. 1. М., 1999. С. 450.

6 Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. С. 204.

психологии и философии.

Научные публикации последних десятилетий показывают, что естественные науки вновь становятся побудительным мотивом для постановки философских проблем. Благоприятную почву не только для сотрудничества, но и для столкновений между дисциплинами в наше время предоставляют медицина и психология. Так, тема «улучшения человека» выросла из обсуждения рисков применения генных технологий в биологии и медицине, затем в связи с научно-техническим развитием и возникновением идеи конвергенции технологий приобрела новый междисциплинарный масштаб и на волне популярности обросла доксами и догмами, имеющими свою собственную, порой собранную из лоскутов философской мысли, историю ⁷. Проблему телесности может постигнуть та же участь. Современные дискуссии об «улучшении человека» возрождают споры об определении «природы», «тела», «человека», требуя уточнения центральных философских понятий⁸.

На междисциплинарном уровне о телесности заговаривают в начале девяностых годов прошлого века, в том числе в России, где в 1991 году выходит сборник работ «Телесность человека: междисциплинарные исследования»⁹. В последующем тема не теряет популярности, и о современном состоянии разработки проблемы говорят такие вышедшие за последние десять-двадцать лет совместные труды и сборники, как «Собственное и объективное тело» Й. Кюхенхоффа и К. Вигерлинга ¹⁰, «Воплощение и понимание: феноменологические и когнитивистские концепции» Н. Депраз и Ш. Галлахера ¹¹, «Дискурс, тело и идентичность»

⁷ Историю и другие аспекты дискуссий об «улучшении человека» см.: *Coenen C., Gammel S., Reinhard H., Woyke A. (Hg.) Die Debatte über „Human Enhancement“.* Bielefeld, 2010.

⁸ В этой связи некоторые исследователи подчеркивают важность понятия «живого тела» для биоэтики. См.: *Brenner A. Den Leib zur Sprache bringen.* Würzburg, 2006.

⁹ *Николаева В.В., Тущенко П.Д. (ред.) Телесность человека: междисциплинарные исследования.* М., 1991.

¹⁰ *Küchenhoff J., Wieglerling K. Leib und Körper* Philosophie und Psychologie im Dialog. Bd. 5. Göttingen, 2008.

¹¹ *Depraz N., Gallagher S. Embodiment and awareness: perspectives from phenomenology and cognitive science.* Torun, 2003.

под редакцией Дж. Коуплэнда и Р. Гвин¹², «Концепции воплощения: на стыке природы и культуры» под редакцией Г. Вайсса и Х.Ф. Хабер¹³, рассматривающие вопросы телесности в диалоге философии с естественными и гуманитарными науками. Популяризации и разработке отдельных аспектов темы способствуют исследования таких авторов, как Д. Велтон (классическое и современное понимание тела), С. Керн (культурная история тела), Дж. О'Нейл (проблемы социологии тела), Г. Плюгге (педагогика и антропология), Ю. Зеевальд (педагогика), П. Шильдер (психология и культурология), Р. Скотт (история тела как собственности), Д. Тимерсма (понятие телесной схемы), Ш. Пегацки (эстетика тела), А. Бреннер (тело в биоэтике). В данных работах нередко используется феноменологический опыт исследования проблемы, в особенности опыт М. Мерло-Понти.

Палитра работ о телесности и центральное положение данного понятия в междисциплинарных дискуссиях свидетельствует об актуальности философской разработки проблемы тела и необходимости конкретизировать философское понятие телесности в рамках общей задачи создания основы междисциплинарной и, в условиях глобализирующегося мира, межкультурной¹⁴ коммуникации. Как отмечает Б. Вальденфельс, «феноменология может способствовать совершенствованию культурного и межкультурного сенсориума¹⁵ и задать перспективу культурно-исторического исследования»¹⁶. Сам характер феноменологической программы определяет способность феноменологии к раскрытию понятия тела¹⁷ вне конкретных дисциплин и культур. Историко-философское исследование феноменологических концепций XX

¹²Coupland J., Gwyn R. (Eds.) Discourse, the body, and identity. New York, 2003.

¹³Weiss G., Haber H.F. (Eds.) Perspectives on Embodiment: The Intersections of Nature and Culture. New York, 1999.

¹⁴О способности феноменологии быть такой основой говорит наличие таких работ как Yamaguchi, I. *Ki als leibhaftige Vernunft. Beitrag zur interkulturellen Phänomenologie der Leiblichkeit*, München 1997.

¹⁵Под сенсориумом Вальденфельс понимает сознание как совокупность возможностей восприятия.

¹⁶Waldenfels B. *Das leibliche Selbst*. S. 13.

¹⁷И других понятий из междисциплинарного вокабуляра. См.: Novotný K., Rodrigo P., Slatman J., Stoller S. *Corporeity and Affectivity: Dedicated to Maurice Merleau-Ponty*. Leiden, 2014.

века и их трансформации, объяснение механизмов развития самой феноменологии в разных национальных традициях позволяют пролить свет на философское понимание живого тела и телесного опыта при его зарождении и тем самым прояснить значение ставшего чрезвычайно важным в последние годы термина «телесность».

Степень разработанности проблемы

Исследование проблемы телесности в феноменологии Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти сегодня широко обсуждается в историко-философских кругах. Оно затруднено тем фактом, что вопрос о сущности тела присутствует в западной философии с самых ранних этапов ее становления. Как было сказано выше, попытки философского осмысления человеческого тела сопутствовали медицинским исследованиям Галена и Авиценны и их идейных наследников. Проблема телесности не могла не затронуть основания новоевропейской науки¹⁸ и медицины, представлений врачей XVII и XVIII века (Г. Бургаве, Ж.О. де Ламетри, А. фон Галлера, И. Blumenбаха, Г.Э. Шталя, Э. Платнера), и выразилась в антропологических философских учениях XIX века: А. Шопенгауэра и Л. Фейербаха. Загадка взаимоотношения тела и сознания исследуется в зарождающейся науке психологии у главных ее представителей: Г.Т. Фехнера, В. Вундта, Т. Липпса. Французские феноменологи обращают внимание на тот факт, что их соотечественники, например, Ф. Мен де Бирана и А. Бергсон, исследовали живое тело, но при всех их заслугах, не эта линия развития философской мысли приведет к открытию живого тела как всеобщей, глобальной философской проблемы. Это сделает только феноменология.

Немецкий язык на лексическом уровне различает живое тело и тело как объект, что во многом определило путь немецкой философии к возведению этого различия в антропологический принцип. В философии

¹⁸См.: Wolfe C.T., Gal, O. (Eds.) *The Body as Object and Instrument of Knowledge Embodied Empiricism in Early Modern Science*. Dordrecht, 2010.

А. Шопенгауэра и Л. Фейербаха¹⁹ понятие живого тела играет очень важную роль, а Т. Липпс обращает внимание на понимание живого тела в разработке эмпатической теории, которую при освоении интересубъективной проблематики находит и принимает Гуссерль. Однако именно феноменология вводит в философский язык различие живого (Leib) и объективного тела (Körper), становящееся для данной проблематики центральным. Э. Гуссерль показывает, что речь здесь идет о феноменах совершенно различного порядка.

Позднее М. Мерло-Понти обнаруживает в феноменологическом понимании живого тела альтернативу интеллектуализму и механицизму. Французский философ опирается на опыт естественных наук, в первую очередь гештальт-психологии, поэтому к мыслителям, повлиявшим на разработку проблемы, следует отнести А. Гельба, К. Гольдштейна, К. Кёлера, К. Коффку, В. фон Вайцзеккера, Ф. Буйтендийка; значительное влияние на биологическое понимание отношения тела и окружения оказала теория Я. фон Иксюля; следует иметь в виду, что сам Мерло-Понти использует идеи названных мыслителей как материал для подтверждения и развития именно философских идей.

После Гуссерля важный вклад в изучение проблемы телесности, помимо Мерло-Понти, внесли такие философы, как М. Шелер, Г. Плеснер, Г. Марсель, Я. Паточка, мыслившие тело в схожих категориях: родство Шелера и Мерло-Понти проявляется в объяснении происхождения символического порядка бытия из более низших порядков; в случае с Плеснером, Марселем и Мерло-Понти трудно отличить особенности основной идеи различения «быть телом — обладать телом»; Мерло-Понти и Паточка согласны в понимании феноменального поля как априорно телесного, иными словами, в буквальном понимании телесной данности явления²⁰. Особое прочтение феноменологии во

¹⁹См.: *Weckewerth C.* Die Leib-Thematik bei Feuerbach - von pantheistischer Leib-Seele-Einheit zur leiblich fundierten Interaktion und Kommunikation zwischen Ich und Du // *Jeske M., Kofler M.* Der Beginn einer Philosophie des Leibes bei Schopenhauer und Feuerbach, Würzburg, 2012.

²⁰См.: *Mensch J.* The a priori of the Visible: Patočka and Merleau-Ponty // *Studia Phaenomenologica*, 2007.

Франции дает Ж.-П. Сартр. Г. Марсель, будучи в определенном смысле «феноменологом до феноменологии», затронул темы, которые будут ключевыми для становления данного направления мысли во Франции²¹. Этим двум мыслителям и Мерло-Понти посвящена работа Р. Занера «Проблема воплощения»²², первая историко-философская работа по проблеме телесности.

Германия возвращается к феноменологии и исследованиям телесности в лице Б. Вальденфельса и Г. Шмитца. Шмитц посвятил живому телу один из томов своей «Системы философии»²³; Вальденфельс выпустил свои лекции о проблеме живого тела в виде книги «Телесное “Я”». Французская феноменология рефлексировала над достигнутым в области изучения проблемы телесности и продолжает ее развитие в лице М. Ришира («Проблема воплощения в феноменологии»²⁴). Христианскую интерпретацию философии Мерло-Понти предлагает М. Анри («Воплощение. Философия плоти»²⁵, «Философия и феноменология тела»²⁶). Ученик Мерло-Понти К. Лефор развивает видение общества как тела («Демократическое изобретение. Границы тоталитарной власти»²⁷). Однако наибольшей популярности проблема телесности достигает в размышлениях о «собственном теле», «теле без органов» и т. п. на границах и за пределами феноменологии, во французском пост-структурализме. К проблеме телесности обращаются Ж. Делез и Ф.

7:259-283. и Abrams E., Chvatik I. (Eds.) Jan Patočka and the Heritage of Phenomenology Centenary Papers. The Hague, 2011. P. 141.

21См.: Waldenfels B. Phänomenologie in Frankreich. Frankfurt am Main, 1983. S. 25-26.

22См.: Zaner R.M. The Problem of Embodiment. Some Contributions to a Phenomenology of the Body. The Hague, 1964.

23В двух частях. См.: Schmitz H. System der Philosophie. Bd. II: 1. Teil: Der Leib, Bonn 1965. и Schmitz H. System der Philosophie. Bd. II: 2. Teil: Der Leib im Spiegel der Kunst, Bonn 1966.

24См.: Richir M. Le problème de l'incarnation en phénoménologie // Haroche, M.P. (Ed.), L'âme et le corps. Philosophie et psychiatrie. Paris, 1990.

25См.: Henry M. Incarnation. Une Philosophie de la chair. Paris, 2000.

26См.: Henry M. Philosophie et phénoménologie du corps. Paris, 2011.

27См.: Lefort C. L'Invention démocratique. Les Limites de la domination totalitaire. Paris, 1981.

Гваттари²⁸, Ж.-Л. Нанси²⁹, Ж. Лакан³⁰, М. Фуко³¹, если называть самые известные фигуры. Через их прочтение понятие живого тела приходит к нам таким, каким его к антропологической проблематике применяет отечественный исследователь В.А. Подорога: в предисловии к «Феноменологии тела» он говорит о предпочтительности топологического анализа феноменологическому³², поэтому будет склоняться к пониманию живого тела как тела-плоти³³.

К именам западных исследователей истории феноменологии, таких как Г. Шпигельберг, Б. Вальденфельс, А. де Вэленс, можно с уверенностью добавить имена отечественных: И.С. Вдовиной, Н.В. Мотрошиловой, В.И. Молчанова, и других. Так, И.С. Вдовина в книге «Феноменология во Франции» подробно рассматривает философию плоти, которую французский феноменолог разрабатывал в своих поздних работах³⁴, Н.В. Мотрошилова исследовала лекции Э. Гуссерля о вещи в пространстве, где он впервые обращается к телесной проблематике³⁵, В.И. Молчанов раскрывает тело и пространство как основные темы «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти³⁶.

В последние годы в России растет интерес к проблематике телесности, в первую очередь к ее онтологическому и теоретико-познавательному аспектам, о чем свидетельствуют кандидатские диссертации О.С. Суворовой, С.В. Фроловой, Л.В. Радишевской; докторские диссертации

28См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007; Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург; М., 2010.

29См.: Нанси Ж.-Л. Corpus / Пер. с фр. Е. Петровской и Е. Гальцовой. М., 1999.

30См.: Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М., 1999.

31См.: Фуко М. Рождение клиники. / Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М., 2010; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумов под ред. И. Борисовой. М., 1999.

32См.: Подорога В.А. Феноменология тела. М., 1995. С. 7-8.

33О силе французской интерпретации говорит то, что «тело-плоть» было выбрано В.И. Молчановым для перевода немецкого Leib в «Картезианских медитациях» Гуссерля. Субъективное живое тело, однако, является лишь одним из значений живого тела у немецкого философа.

34См.: Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М., 2009. С. 40-64.

35См.: Мотрошилова Н.В. Учение Гуссерля о вещи, восприятии и пространстве (по лекциям «О вещи в пространстве» 1907г.) // Историко-философский ежегодник'98. М., 2000. С. 301-329.

36См.: Молчанов В.И. Суждение и восприятие: вопрос о первоэлементах мира // Историко-философский ежегодник'2014. М., 2014. С. 163-166.

Р.В. Маслова, В.Н. Никитина; сборник работ «Телесность как эпистемологический феномен» под редакцией И.А. Бесковой³⁷. Заметный интерес к телесности проявляют также культурология и социология: в этих областях заметны диссертации и публикации И.М. Быховской, Б.Г. Акчурина, А.В. Лебедевой, И.И. Замошанского, М.В. Колесника и др.

Очевидным недостатком диссертаций зачастую является плохая историко-философская осведомленность, а именно незнание феноменологической критики классического понятия тела, приводящее к ошибкам в изложении собственных позиций и искажениям мыслей философов прошлого.

Следует отметить, что в понимании проблемы телесности, то есть проблемы живого тела, на пути отечественного исследователя стоят два основных препятствия. Во-первых, это языковые условия, определяющие терминологическую проблему, с которой сталкивается не только русскоязычный. Прививка идей Гуссерля к древу другой культуры была проблематична и для Мерло-Понти³⁸. Во-вторых, это влияние определенной традиции и исторических обстоятельств. Отголоски общей тенденции к естественно-научной ориентации в рамках доктрины исторического материализма заметны в толковании телесной проблематики: в нем прослеживается, как отмечает в своей диссертации С.В. Фролова, «практически-познавательное отношение к человеческой телесности»³⁹. В этом свете актуальным выглядит обращение к Мерло-Понти, философу, известному критическим прочтением марксизма с феноменологической точки зрения⁴⁰, толкованием истории — фокуса марксистской философии — как живого тела⁴¹.

Важность историко-философского аспекта осознает Р.В. Маслов, о чем

³⁷Бескова И.А. (ред.) Телесность как эпистемологический феномен. М., 2009.

³⁸См.: *Waldenfels B. Das leibliche Selbst.* S. 15.

³⁹Фролова С.В. Человеческая телесность: онтологические начала и методологические основания: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саратов, 2000. С. 3.

⁴⁰Merleau-Ponty M. Humanisme et terreur. Essai sur le problème communiste. Paris, 1980.

⁴¹См.: *Waldenfels B. Phänomenologie in Frankreich.* S. 178ff.

свидетельствуют его диссертация⁴² и множество публикаций на тему телесности⁴³. Он же обращается к очевидной идее: дискуссию можно обогатить опытом русской философии, тем более, что этот опыт, например, экзистенциальных мыслителей Л. Шестова и Н.А. Бердяева⁴⁴, высоко ценится на Западе и в свое время повлиял на французскую мысль. Значимыми для развития темы телесности могут оказаться мысли П. Флоренского, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, Г.Г. Шпета.

Серьезная проработка тематики позволила бы вступить в дискуссию на Западе, где исследования феноменологии тела и ее истории довольно популярны. В данной дискуссии слышны голоса десятков современных исследователей: К. Новотны, Э. Бенке, Д. Захави, Дж. Менш, Дж. Додд, Л. Эмбри, Н. Депраз, К. Майер-Драве, Т. Карман, Дон Айде и многих других.

Цели и задачи исследования

В соответствии с **целями исследования** — дать историко-философский анализ наследия Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти в трактовке проблемы телесности и раскрыть понятие живого тела в феноменологической традиции у названных философов — в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- Выявить предпосылки обращения Гуссерля к проблеме телесности.
- Проследить историю возникновения проблемы в ранней феноменологии.
- Проанализировать трансформацию взглядов Эдмунда Гуссерля от ранней к поздней феноменологии, в том числе в свете неофициальной ее линии.
- Изучить наследование проблематики телесности Морисом Мерло-Понти: выявить посредников передачи философской мысли

⁴²Маслов Р.В., Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Саратов, 2005.

⁴³Например, Маслов Р.В. Философия телесности: зеркальная сущность человека. Саратов, 2004.

⁴⁴Об их влиянии на французскую феноменологию говорит Вальденфельс. См. *Waldenfels B. Phänomenologie in Frankreich. S. 34ff.*

Гуссерля и проанализировать непосредственное обращение Мерло-Понти к Гуссерлю.

- Проанализировать изучение Мерло-Понти телесности в «Структуре поведения», «Феноменологии восприятия» и других работах.

Объектом исследования является проблема телесности в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти

Предметом исследования является феноменологическое понимание живой телесности в его отличие от объективной трактовки тела в науке и естественной установке.

Методологическая база

Методология исследования ориентирована на системный исторический подход, позволяющий определить значение идеи живой телесности в феноменологической теории и показать эту идею в непрерывности ее развития, наследовании одним философом идей другого. Историчность подхода определяется рассмотрением текстов в их исторической ситуации: для раскрытия основ проблемы телесности в феноменологии привлекается широкий контекст философских и научных работ. Системность проявляется в обнаружении структуры и закономерностей развития феноменологической концепции телесности. Так, в случае Гуссерля, осуществлена попытка определить основные модели живого тела в его философии и причины их смены, а работы Мерло-Понти рассматриваются как объединенные основной идеей живой телесности и общим проектом, о котором говорит сам философ. При сопоставлении концепций двух мыслителей прежде всего важно было учесть как их очевидные различия, так и общие стартовые позиции, точки соприкосновения и столкновения с другими теориями.

Научная новизна диссертационного исследования

Диссертация представляет собой первое в отечественной истории философии исследование проблемы телесности в феноменологии Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти не с целью философской интерпретации, но в плане многостороннего историко-философского анализа, показывающего историю проблемы от ее зарождения и учитывающего современное состояние её разработанности. Многие из источников, на которые опирается автор диссертации, не переведены на русский язык и недостаточно проанализированы в российских историко-философских исследованиях. В первую очередь это тома Гуссерлианы по интересубъективности (Ниа XIII, XIV, XV), первая крупная работа Мерло-Понти «Структура поведения» и сборники его лекций о природе и детской психологии. В ходе проведенного диссертантом исследования подтверждается мысль о том, что философия Мерло-Понти представляет собой в основе верное мышление Гуссерля развитие феноменологии. В диссертации также выявляются перспективные направления историко-философского исследования, такие как сравнение теорий живого тела у Мерло-Понти и Макса Шелера, Мерло-Понти и Артура Шопенгауэра, позволяющие по-новому взглянуть на проблему.

Положения, выносимые на защиту

- Предпосылки современного понимания тела были заданы европейской философией, начиная с эпохи Нового времени, однако именно феноменология закладывает основу парадигмы современного исследования телесности.
- Несмотря на все различия между прежними — психологическими и антропологическими — подходами к телесности, традиционные теории сохраняют свою значимость для феноменологического метода (в частности, теория воли А. Шопенгауэра)
- Конкретным поводом для обращения к проблеме телесного на

рубеже XIX-XXв. становятся работы немецких психологов: «мюнхенская школа» феноменологии и, в первую очередь, Т. Липпс. Наиболее ранняя разработка этой проблематики Э. Гуссерлем фактически воспроизводит модель Т. Липпса, основанную на теории «вчувствования».

- Исходные основания феноменологии Гуссерля, и ее главные ориентиры (трансцендентальная сфера абсолютного сознания) отнюдь не благоприятствуют разработке темы телесности: Гуссерлю приходится начинать с опыта, отвлеченного от тела: «живое» и «телесное» используется им поначалу лишь в метафорическом плане.
- Мерло-Понти воспринимает идеи Гуссерля о телесности и природе телесного опыта (ориентируясь, в основном, на первую книгу «Идей к чистой феноменологии»), привносит их во французскую философию, а также предвосхищает современное прочтение Гуссерля в свете его рукописного наследия, ставшего доступным посмертно.
- Несмотря на то, что Мерло-Понти развивает идеи Гуссерля в направлении, расходящемся с некоторыми базовыми постулатами феноменологии немецкого мыслителя, он использует ее методологию анализа познавательной деятельности (в частности, восприятия). Именно это является одним из главных аргументов в пользу принадлежности Мерло-Понти к феноменологической традиции.
- М. Мерло-Понти предлагает в целом ту же феноменологическую модель телесности, что и гуссерлевская, однако с учетом развития этой проблематики другими мыслителями (М. Хайдеггер, М. Шелер, Г. Плеснер, Г. Марсель и др.) и в иных условиях.
- Концепция Мерло-Понти сходна с концепцией М. Шелера. Это свидетельствует о влиянии, которое немецкий философ и его

персонализм оказали на рецепцию феноменологии во Франции.

Можно говорить о трех путях, ведущих от Гуссерля к Мерло-Понти: работы самого Гуссерля, гештальт-теория, идеи Шелера. Основным источником вдохновения для Мерло-Понти становится открытая им при работе над рукописями Гуссерля в архиве в Лувене его поздняя теория телесности.

- Работы Мерло-Понти «Структура поведения» и «Феноменология восприятия» правомерно рассматривать как единый проект в свете более поздней его философии и попыток построения онтологии воплощенного существования, как это предлагает сам философ.
- Ориентируясь в первой работе на феноменологию в интерпретации гештальт-теории и философской антропологии, Мерло-Понти во второй работе обращается к рукописям Гуссерля, где находит созвучные своей теории возможности развития феноменологии. Игнорирование первой части вело бы к заблуждениям в понимании второй.
- Дискурс телесности по определению интердисциплинарен. Но когда феноменология общается с психологией или антропологией, она предлагает в ответ свое особое понимание живого тела. Очевиден пример «Структуры поведения» Мерло-Понти, где философ пользуется достижениями науки для критики одной психологической теории (теория рефлекса), но далее переходит к критике психологии в целом с собственных феноменологических позиций.
- Современные попытки искусственного сращивания феноменологии и науки, натурализации феноменологии, основанные на специфическом прочтении Мерло-Понти, несостоятельны, и в этом плане следует подвергнуть критике массу исследований или, по крайней мере, относиться к ним осторожно.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическое и практическое значение проведенного в диссертации анализа в значительной мере определяется актуальностью выбранной темы исследования. В работе дается подробная реконструкция обстоятельств, определивших обращение феноменологической философии к проблеме телесности, выделены основные этапы развития этой проблемы у Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти. Таким образом, в диссертации не только даётся панорама развития идей немецкого и французского мыслителей, но и наглядно разъясняются причины, по которым мы можем относить обоих философов к одной — феноменологической — традиции современной философии. В проблемном плане проведенный анализ помогает увидеть связь между самыми различными позициями в дискуссиях по вопросам телесности, позволяет адекватно интерпретировать предлагаемые в этих дискуссиях междисциплинарные решения, а также скорректировать неверные представления о взглядах Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти. Материалы диссертации могут служить основой для дальнейших историко-философских исследований и лекционных курсов по проблеме телесности.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, показывается степень ее научной разработанности, формулируется исследовательская цель и задачи, положения, выносимые на защиту, определяется методологическая база анализа, отмечается теоретическая и практическая значимость работы, излагается опыт апробации ее материалов.

В первой главе «Проблема телесности в феноменологии Эдмунда

Гуссерля» утверждается возможность рассмотрения феноменологии Гуссерля через проблему телесности, вопреки базовым установкам этой философии (ориентация на трансцендентальную сферу абсолютного сознания) выходящую в ней на первый план там, где Гуссерль говорит о восприятии, вещи в пространстве, кинестезе, intersубъективности и прочих проблемах. Автор выявляет предпосылки для обращения Гуссерля к проблеме телесности, прослеживает историю ее возникновения в ранней феноменологии в диалоге с психологией Теодора Липпса, описывает трансформацию взглядов Гуссерля от ранней к поздней феноменологии через основные модели живого тела и логику их смены.

В первой части главы, **«Ранние модели телесного опыта в феноменологии Гуссерля»**, исследовано появление телесной проблематики у Гуссерля в «Лекциях о вещи в пространстве» и ее развитие в рукописях на тему intersубъективности, вошедших в XIII том Гуссерлианы. Гуссерль обращается к телесной терминологии, когда проводит феноменологическое различие между воплощенным (*leibhaft*) и образным (*bildhaft*) восприятием в попытке решения проблемы трансцендентного опыта, то есть нахождения доступа к чистому восприятию возможного и объективного. Здесь немецкий философ вплотную подходит к теме солипсизма и впервые сталкивается с парадоксальным местом живого тела как неявленного носителя полей восприятия и явленного объекта, определяющего «бесконечное задание» опыта, Этот парадокс обратит внимание Гуссерля на проблему intersубъективности и направит его в сторону исследования переживаний и живой телесности в кинестетической данности.

Решение проблемы будет найдено в теории «вчувствования» Теодора Липпса, которую Гуссерль использует в качестве базовой модели. Применение к ней феноменологического метода приводит к отказу от рассмотрения живого тела как одного из физических тел, характеризуемого апперципируемым смыслом переживания. Гуссерль

склоняется к мысли, что ответ на вопросы, поставленные феноменом intersубъективности, зависит от различения типов понимания телесного и формирования его феноменологического понятия. Он дополняет теорию Липпса описания уровней вчувствования, выделяя до пяти таких уровней. За счет этих дополнений феноменология отходит от изначального для нее различения присутствия тела в чувствах и в чувстве тела (оно следовало из предложенного Липпсом различения телесной деятельности и деятельности тела, то есть выделения двух типов типа: материального и личностного). Феноменологический анализ вчувствования определяет высшие его уровни как интерпретативную деятельность и выявляет живое тело как носителя смыслов и структуру, синтезирующую тело материальное и личное.

Во второй части Первой главы, **«Проблема телесности в период «Идей»**», рассматриваются изменения в феноменологической теории живого тела, связанные с переходом Гуссерля к трансцендентальной феноменологии. В своем стремлении к раскрытию мира вне естественной установки, проникновению в неэмпирическую сущность мира через переживание, Гуссерль должен был отстраниться от всего телесного, чтобы полностью раскрыть конститутивные способности сознания. Однако полного отказа все же не происходит. Необходимость «эпохе» и редукции приводит в «Идеях» к развитию отмеченного еще в ранних работах парадоксального положения живого тела, выявляемого до предикации телесности как инструмента познания. В первой книге «Идей» «тело» остается, прежде всего, физическим телом; благодаря свойству быть центром ориентирования, оно отнесено к особому региону бытия, совмещающему в своей выразительной конституции материю и форму. Во второй книге оно начинает составлять проблему для теории конституирования. Исследуя живое тело как область intersубъективного понимания, не требующего предикативного мышления, Гуссерль находит то, что противоречит официальной линии его философии — до природы

эмпирической он выявляет природу нередуцируемую, не могущую быть отнесенной к какому-либо онтологическому региону. Эта природа проявляется в видимых из духовной сферы исключительных свойствах феноменологического живого тела, заставляющих Гуссерля переосмыслить природу интенциональности, субъективности и низших познавательных актов. Определив особенности живого тела, Гуссерль далее говорит о двойственности живого тела с intersubjectивной точки зрения и ставит его в основание двух установок: живое тело может быть натурализовано для объективной точности и одухотворено для целесообразной коммуникации. Благодаря такому взгляду на живое тело, объясняется свобода, которую мы видим в осмысленно проживаемых единствах, таких как человек и общество.

В третьей части Первой главы, **«Поздняя концепция телесности. Картезианские медитации»**, показано, что, осознавая определенную истинность в естественной установке, в теории действующего живого тела и допредикативного «образования пары» (Paarung) Гуссерль отстаивает непротиворечивость наличия инаковости в субъекте. Акцент в «Картезианских медитациях» делается на замкнутости тела на самое себя, говорящей о единстве или параллельности процессов конституирования мира и субъекта в живом теле, а также о необходимости Другого для конституирования субъективности. Гуссерль также говорит о перенесении способностей живого тела на мир и предметы в нем. Предметы мира воспринимаются изначально как живые тела, потому что только как живые тела они могут нести в себе смысл данности единичности для общности. «Перенос» возможен, поскольку Я и Другой даны в первичном образовании пары — интенциональной ассоциации аналогичных отношений живых тел с окружением, мотивированных в своей пассивности. В результате ассоциации происходит перекрытие физических живых тел и оба живых тела начинают восприниматься как модификации общего окружения. Это циклический процесс, подобный

герменевтическому кругу. В нём происходит попеременное пробуждение одного живого тела другим и постепенное приближение сходного к равному, которое, впрочем, никогда не может быть завершено.

Во второй главе диссертации, «Телесность в философии Мерло-Понти», рассматривается рецепция идей Гуссерля о телесности и природе телесного опыта в философии М. Мерло-Понти, а также развитие данных идей с учетом опыта изучения этой проблематики другими мыслителями, в частности М. Шелером и К. Гольдштейном. Здесь же делается вывод, что интерпретация идей трансцендентальной феноменологии французским мыслителем во многом предвосхищает современное прочтение Гуссерля в свете рукописного наследия, изданного посмертно. Обращение к неопубликованным работам в архиве Гуссерля в Лувене позволяет Мерло-Понти провести критику идеалистических элементов феноменологии, опираясь на идеи самого Гуссерля, развитые на этапе возвращения к естественной установке в целях ее прояснения. Важнейшим открытием феноменологии для Мерло-Понти является двойственность допредикативной телесной природы, исключающее одновременность конституирование и нахождение живого тела в человеческом опыте. Французский философ осознает редукцию как принципиально незавершаемый проект, а для описания «самой вещи», к которой призывал вернуться Гуссерль, обращается к таким терминам, которые нельзя полностью отнести ни к вещам, ни к идеям. «Структура», «схема», «форма» в его философском словаре призваны передавать динамику символической функции живого тела, скрытую между конституированием и опытом. Очевидно, свои первые произведения — «Структуру поведения» и «Феноменологию восприятия» — Мерло-Понти писал как части единого проекта: об этом свидетельствует его собственная интерпретация. Указанные произведения объединяет идея нахождения третьего пути между интеллектуализмом и материализмом, нового взгляда на психическое и физиологическое, лишаящего их инструментального

характера.

В первой части Второй главы, «**Между Гуссерлем и Мерло-Понти**», рассмотрено изменение интеллектуальной ситуации во время, разделяющее двух мыслителей, и показаны основные связи между ними. Знакомство Мерло-Понти с идеями Гуссерля шло разными путями: осмысление «Картезианских медитаций», идей гештальт-психологии, философии Макса Шелера и, наконец, собственно изучение Гуссерля, в первую очередь его неопубликованных работ в Лувенском архиве. «Картезианские медитации» определили ориентацию Мерло-Понти на гуссерлевскую концепцию «жизненного мира» (живое тело как неразрывно связанное с миром). Гуссерлевская теория «образования пары», имела важное значение для естественных и гуманитарных наук, оказав особое влияние на психологию и социологию. Эта концепция позволила представителям гештальт-психологии (К. Гольдштейн) отстаивать подход к исследованию организма как самоактуализующейся сущности в эпоху, когда в западноевропейской философии доминировало стремление обосновывать, скорее, силу и власть бессознательных процессов над человеком. Подобная тенденция приводила к сомнениям в доступности субъекту собственного сознания. Ярким примером этой тенденции служит бихевиоризм. Подготовленный во многом работами русского физиолога И.И. Павлова, бихевиоризм натурализирует области духовного и культурного, характеризуя их как проявления высшей нервной деятельности; он сводит ее к базовым рефлекторным реакциям, объясняя рефлексом даже целенаправленность, то есть редуцирует интенциональность к биологическим началам.

Феноменология Гуссерля развивает положительное понимание аффекта и объясняет, что интенциональные акты могут быть найдены даже в «пассивной» аффицированности со стороны социума и мира. Она оказывается центральной формой самоаффицирования, основой жизни субъекта. Это приводит Мерло-Понти к усилению значения телесного и

разработке онтологии воплощенного существования. При этом его не могло обойти стороной и развитие феноменологических идей в философии М. Шелера. Известно, что Шелер одно время был даже более известен во Франции, чем Гуссерль. Ему посвящена первая статья Мерло-Понти — «Христианство и рессентимент», ссылки на его работы можно найти в «Структуре поведения» и «Феноменологии восприятия», и в содержании этих работ имеются если не отголоски мыслей Шелера, то моменты, объединяющие Мерло-Понти с немецким философом. Это — отношение к живому телу как к полю выражения или базовому символу, распространяющему свою выразительную способность на окружение, это акцент на изначальной синестезии живого тела и схожее описание отличительных особенностей символического уровня поведения. Наличие перспектив такого развития феноменологической мысли еще в неопубликованных рукописях Гуссерля, подтверждает предположение о том, что работа Мерло-Понти в архивах Лувена сделала его феноменологом, наиболее верным духу Гуссерля среди главных имен французской феноменологии того времени (если сравнивать с Ж.-П. Сартром или Э. Левинасом), пусть Мерло-Понти и решается на смелое домысливание неосмысленного в феноменологии.

Во второй части Второй главы, **«Тело как символическое и структурное бытие в “Структуре поведения”»**, показано, как Мерло-Понти открывает путь в измерение живого тела «извне», через объективный взгляд науки. В указанной работе французский феноменолог стремится раскрыть не одностороннее, но взаимное отношение организма и мира, тем самым занимаясь поисками доинтеллектуальной базы этого отношения. Мерло-Понти связывает и в отдельных моментах идентифицирует организм и мир с живым телом, символизирующим динамическую норму соответствия организма среде. Вопреки реалистическим формам рассмотрения поведения, норма поведения не может быть схвачена ни исключительно действенной в себе, ни

исключительно значимой для себя, что говорит о необходимости третьего пути. Таким путем могла бы служить феноменология, ставящая онтологию на новые основания. Но если вещь изначально определяется через восприятие живым телом, «в-себе-бытие» ее может быть интерпретировано как тень этого восприятия «для себя», и существует опасность приближения феноменологического проекта к субъективно-дуалистической модели, где «для себя» оказывается вторым «в себе», с чем борется Гуссерль в интересующей и телесной проблематике.

Феноменология может быть укреплена радикализацией понятия живого тела и намеренным распространением его на воплощенное восприятие, его буквальным толкованием. Живое тело превосходит при этом искусственные конструкции человеческой мысли, упрощающие понимание: абстракции и автоматизмы; но оказывается в области неопределенного. Однако Мерло-Понти считает возможным говорить об этой неопределенности, прибегая к понятию формы как динамической системы смысла, возникающей в результате взаимоопределения двух порядков, обращений структуры в прошлое и будущее, ее седиментации и проекции, в принятии, освоении и закреплении организмом новых уровней равновесия с миром. Существуют три таких базовых уровня: синкретический, сигнальный и символический, на последнем из них живое тело становится «первым символом», позволяя взглянуть на все остальные уровни, до этого остававшиеся безмолвными и невыразимыми.

В третьей части Второй главы, **«Онтология воплощенного существования в “Феноменологии восприятия” и других работах»**, исследуется, как измерение живого тела было раскрыто Мерло-Понти «изнутри», через проживаемый мир опыта. В «Структуре поведения» французским философом было показано, что феноменологическое понятие телесности позволяет наделять поведение положительным смыслом поднятия организации действия до определенных форм. Философия Мерло-Понти может быть понята одновременно как своего

рода археология и проект онтологии воплощенного существования, следующий задаче прояснения этих форм в их живом телесном основании. Рассмотренные как части этого проекта, работы французского философа не могут быть поняты буквально, и «Феноменология восприятия», к примеру, не может быть трудом по эпистемологии, а лекции по детской психологии не могут быть психологическим исследованием, они как раз выявляют ошибочность теорий, распространяющих естественно-научные законы на культуру и культурное развитие. Большую роль, чем в первом труде, здесь играет теория живого тела в качестве телесной схемы.

Мерло-Понти пользуется термином, популярным в неврологии начала XX века. Термин «телесная схема» позволяет ему говорить о непредметном единстве живого тела. Взаимоотношения частей будут объясняться не через причинные связи, но как процесс подстраивания «схемы» под изменение жизненных требований окружения, а также соответствующее преобразование окружения в спонтанной организации стимулов сообразно жизненным целям. Схема отвечает свойствам тела, выделенным Гуссерлем в «Идеях II»: схема не имеет пространственного «здесь» или «там». Ее части равнозначны, и потому она может одновременно быть всегда «здесь» и «там». Схема ограничена в явленности субъекту, она не завершена, не может быть явлена полностью, но лишь частями. Наконец, одна схема может накладываться как на причинные, так и на условные процессы. Двойственность делает телесную схему применимой как к закономерностям, что помогает при объяснении существующей организации телесного опыта, так и к возможностям действия, что помогает при описании построения телесного в соответствии с определенной задачей. Трактовка живого тела как «схемы» служит пониманию действия организма, вовлеченного в исследуемую среду. Мерло-Понти в связи с этим формулирует особую теорию знания. Он считает, что должно существовать понимание «до» понимания, и наиболее отчетливо этот уровень проявляется в интересубъективных

областях поведения: языке и половых отношениях. Здесь допредикативная, «бессознательно» соблюдаемая логика выхода из равновесия и его восстановления пассивно воспринимается в возможности последующего понимания на уровне действия, в живом опыте общения.

В четвертой части Второй главы, **«Современные интерпретации феноменологической проблемы телесности»**, рассмотрены интерпретации феноменологии Мерло-Понти и Гуссерля современными феноменологами и историками феноменологии. Здесь представлены также позиции исследователей, стремящихся использовать феноменологический опыт. Современные обсуждения телесности зачастую имеют интердисциплинарный характер, однако понятие живого тела, разработанное феноменологией, не всегда совпадает с понятием телесности и его желаемыми применениями, а потому феноменологический подход далеко не всегда можно встроить в интердисциплинарные обсуждения. Естественные науки, психология, когнитивные науки обращают внимание, в первую очередь, на проблему отношения тела и сознания и стремятся выразить их взаимодействие, сведя его к физической, символической или топографической каузальности для нужд определенной рациональности, нацеленной на конкретные функциональности бытия.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного диссертационного исследования. Автор считает, что феноменология в своем естественном развитии, противостоя психологии в вопросах интересубъективности, нейтрализует саму необходимость объяснения психофизического взаимодействия обращением к живому телу, в котором получает доступ к неясной природе, из которой рождаются тело и душа естественной и естественнонаучной установок. Понимание живого тела в феноменологии нацелено на не требующее преодоления раскрытие той бездны различия между объективным материальным телом физики и живым телом людей, которую стремится перепрыгнуть обыденное сознание и наука; оно

указывает на эту бездну. При этом феноменология, столкнувшись с необходимостью телесной, пассивной интенциональности для формирования опыта, переосмысливает классическое понятие трансцендентальности, включая в нее живое тело. Мерло-Понти продолжает развитие трансцендентальной философии Гуссерля, которая и сама уже в попытках преодолеть солипсизм отходила от понимания трансцендентального субъекта в кантианском смысле.

Чтобы философский проект феноменологии имел живой смысл, его следует понимать как постоянную рефлексию и медитацию живого тела субъекта. Его даже можно назвать трансцендентальной практикой, дающей субъекту доступ к личностному и одновременно intersubjectivному содержанию, которого так не хватает сейчас науке (о чем свидетельствует популярность феноменологических идей в таких ее областях, как когнитивистика). Натурализация феноменологии зачастую искажает ее идеи. Несмотря на то, что Мерло-Понти широко пользуется методами и результатами психологических исследований, он сохраняет свою принадлежность к феноменологической традиции. Анализ работ Гуссерля и Мерло-Понти через призму проблемы телесности, позволяет обнаружить преемственность в развитии феноменологических идей и даже некоторую логику, ведущую феноменологию от истоков к ее современным формам.

Апробация результатов диссертационной работы

Материалы диссертации были представлены в научном докладе «Открытие тела в феноменологии Э. Гуссерля» в рамках семинара «Современная западная философия: проблемы и тенденции» (Институт философии РАН. Сектор современной западной философии. 15 апреля 2014 года). Отдельные положения диссертационного исследования были изложены в докладе «Макс Шелер и Морис Мерло-Понти: возможности сравнения» на Международной научной конференции «Макс Шелер и

современная философия» (к 140-летию со дня рождения Макса Шелера; Институт философии РАН, 2-3 октября 2014 г.).

В рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК, по теме диссертации опубликованы следующие статьи:

Чикин А.А. Артур Шопенгауэр и открытие тела как философской проблемы // Философские науки. 2013. № 5. С. 22–37.

Чикин А.А. Концепция «воплощенного познания» в когнитивной науке // Философские науки. 2012. № 11. С. 140-148.

Чикин А.А. Развитие проблемы телесного опыта: от Гуссерля к Мерло-Понти // Философские науки. 2014. №9. С. 43-56.